

В. МАЯКОВСКИЙ В ОТРАЖЕНИИ ПРИЖИЗНЕННОЙ И ПОСМЕРТНОЙ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Владимир Маяковский был хорошо известен в иностранной публицистике. Его тяга ко всему «стоверстому» подсказала ему необходимость выхода с «комфутскими» идеями во «внесоветское» пространство, а романтическое мировосприятие поставило этапную в деле построения светлого будущего цель — донести «новое слово» до «закоснелых капиталистов». Руководствуясь этими задачами, Маяковский в 1922—1924 гг. предпринимает несколько поездок за границу — в Латвию (до 1940-го г. не входила в состав Союза), Францию (Париж) и Германию (Берлин). Итогом первых поездок Маяковского послужило появление очерков и стихов, в основу которых были положены европейские впечатления («Как работает республика демократическая?» (1922); «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)» (1923)). Париж принимал Маяковского еще неоднократно в течение 1925—1929 гг., и всегда оставался запечатленным в стихах (лирический цикл «Париж» (1924—1925)).

Интересы Маяковского в области овладения читательским вниманием распространяются в 1925 г. дальше уже освоенной Европы — поэт едет по Америке с циклом выступлений. Заграничные поездки Маяковского вызвали у него интерес к жизни иностранцев и восторг перед достижениями зарубежной техники и архитектуры («Бруклинский мост» (1925)). Однако стремление Маяковского разглядеть несоответствие между внешней роскошью европейских и американских столиц и повседневной жизнью рабочих выливалось в критику капиталистического строя, которому противопоставлялся «справедливый строй» молодого социалистического государства. В публичных выступлениях за границей Маяковский не упускал случая прилюдно заявить о своих убеждениях и неприятии западной государственности, якобы делающей жизнь человека унижительным существованием. Столь открыто заявленная позиция противостояния вызвала бурную реакцию в иностранной прессе.

Предметом рассмотрения в статье являются отклики на творческое явление и личность Маяковского прижизненной и посмертной иностранной прессы, которая условно разделяется на 3 группы по отношению к русскому поэту: 1) враждебно настроенная правая печать, 2) воспринимавшая поэта в «лубочно-декоративном» свете «умеренная» публицистика, 3) приветствовавшая Советский Союз и его поэта левая пресса. Цель статьи — определить «тональность» иностранной прессы в отношении советского поэта В.Маяковского. Важное место в статье занимает культурно-исторический и сравнительно-исторический анализ хранящихся в настоящее время в РГАЛИ (г. Москва) помещенных в зарубежных газетах и журналах заметок, посвященных его жизни и творчеству, а также некрологов, последовавших за самоубийством поэта 14 апреля 1930 г. Делается вывод, что сенсационные и противоречащие друг другу в искажении фактов заметки появлялись на страницах как левой, так и правой прессы и могут считаться демонстрацией возмутительно поверхностного восприятия за рубежом жизни и творчества Маяковского.

Ключевые слова: Маяковский; футуризм; поэт-комфут; публичные выступления; иностранная пресса; неприкрытое озлобление; явный восторг; большевистские идеи; «лубочно-декоративный»; самоубийство; непроверенные факты.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628609, Тюменская обл., г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; e-mail: kultisheva@inbox.ru

В.Маяковский, фигура в советской поэзии в достаточной степени грандиозная, чтобы стесняться границами отдельно взятой страны, был хорошо известен иностранной критике. Его тяга ко всему «стоверстому» и огромному подсказала ему необходимость выхода с «комфутскими»¹

¹ Вопреки мнению официозного литературоведения, Маяковский в советское время не был соцреалистом, а оставался футуристом, хотя и с новыми свойствами: *комфут*, т.е. коммунист-футуристом.

идеями на новый уровень их пропаганды — во «внесоветское» пространство, а романтическое мировосприятие поставило новую, этапную в деле построения светлого будущего цель, — донести «новое слово» до «закоснелых капиталистов». Руководствуясь этими задачами, Маяковский в 1922—1924 гг. предпринимает несколько поездок за границу — в Латвию (до 1940-го г. не входила в состав Союза), Францию (Париж) и Германию (Берлин). Итогом первых поездок Маяковского послужило появление

очерков и стихов, в основу которых были положены европейские впечатления («Как работает республика демократическая?» (1922); «Париж (Разговорчики с Эйфелевой башней)» (1923)). Париж принимал Маяковского еще неоднократно в течение 1925—1929 гг., и всегда оставался запечатленным в стихах (например, лирический цикл «Париж» (1924—1925)).

Интересы Маяковского в области овладения читательским вниманием распространяются в 1925-м году дальше, впрочем, уже освоенной Европы — поэт едет по Америке с циклом выступлений и докладов.

Заграничные поездки Маяковского вызывали у него интерес к жизни иностранцев и неизменный восторг по поводу достижений зарубежных техники и архитектуры («Бруклинский мост» (1925)). Однако стремление Маяковского разглядеть несоответствие между внешней роскошью европейских и американских столиц и повседневной жизнью простых рабочих выливалось в критику капиталистического строя, которому неизменно противопоставлялся «справедливый строй» молодого социалистического государства (стихотворения «Барышня и Вульворт» (1925), «Небоскреб в разрезе» (1925)). В публичных выступлениях за границей Маяковский также не упускал случая прилюдно заявить о своих советских убеждениях и неприятии западной государственности, якобы делающей жизнь человека унижительным существованием. Столь открыто заявленная позиция противостояния, в свою очередь, вызывала бурную реакцию в иностранной прессе.

Отклики на появление Маяковского в том или ином зарубежном городе носили совершенно разный по своей тональности характер: от неприкрытого озлобления до явного восторга. Такое восприятие было связано с размежеванием западного общества на 3 основные группы по отношению к русскому поэту. *Первая группа* пребывала в крайней правой оппозиции к Маяковскому, находя пропагандируемые им большевицкие идеи крамольными и предавая его самого, вслед за резкой эмигрантской оппозицией (И.Бунин, П.Пильский, В.Ходасевич), политической анафеме. Так, например, правые польские газеты, по воспоминаниям Дувакина, аттестовали Маяковского как «хулигана от литературы, как поэта-палача, как заговорщика, старающегося внедрить за границей большевизм» [3. Л. 19]. Пугающий образ поэта революции, подрывающего своим появ-

лением спокойное существование капиталистических держав, дополнялся восприятием Маяковского как закоренелого футуриста, причем футуриста «дикого, немножко варварского... Его рисовали как полусумасшедшего, который импровизирует на улицах» (Гуго Гупперт о восприятии Маяковского в Германии [4. Л. 7]). Надо заметить, подобная оценка личности Маяковского, сложившаяся под впечатлением его публичных выступлений, не всегда была «плодом больного воображения» и предвзятости, а находила подтверждение в текстах поэта, поскольку уже при жизни он был переведен на немецкий, французский, английский, польский, чешский, итальянский, испанский, литовский, латышский, китайский, японский, еврейский языки. Отдельными изданиями вышли сочинения Маяковского во Франции, Польше, Чехословакии, Японии и на о. Куба. Поэтому каждый не желавший быть голословным в своей критике мог найти в подтверждение своих слов цитату из напечатанного.

Не стоит, однако, понимать позицию правой прессы по отношению к Маяковскому как сплошной негатив, поскольку даже в целом враждебно настроенной печати наряду с нападениями проходило явное признание поэтического мастерства Маяковского (например, польские буржуазные журналы, французский журнал «Кайе де Л'Этуаль»). Это свидетельствовало о том, что Маяковский, воспринимаемый во многом как «полпред Советского Союза», в то же время был фигурой, внушающей уважение к себе как к оригинальному поэту.

Вторую группу иностранцев по отношению к Маяковскому составляли люди пера, понимающие фигуру поэта в, если так можно выразиться, «лубочно-декоративном» фольклорном свете. Связано это было с романтическим восприятием поэта как классического представителя «загадочной русской души» в действии, «разгулявшейся» на фоне «необъятной степи» стран и континентов, как былинный Илья Муромец. Переноса богатырскую суть личности Маяковского на современную почву, подобная критика меняла лишь место приложения «силушки немереной» — на фон русской революции, суть же оставалось неизменной.

Такое восприятие личности поэта было созвучным мотивам, время от времени появлявшимся в эмигрантской прессе. Однонаправленную, со смещенными акцентами, рекомендацию давал Маяковскому в статье «Нахалкиканец

из-за Ташкенту» (1927) П.Пильский: «В своем надутым хвастовстве ... *размашистом российском удалстве*, ... Маяковский — живой шарж, карикатура» [2. С. 3]. Ю.Иваск также возводил «левизну» Маяковского-поэта не к политике, а к русской литературе и в частности к фольклору. «Чем-то он походил на Базарова, но с добавкой Франсуа Вийона., а также на *богатыря-задиру Ваську Буслаева*», — писал Иваск в статье «Цветаева — Маяковский — Пастернак» в 1969 г. («Новый журнал». Нью-Йорк. № 95 [1. С. 173]). Надо сказать, что в свете оценки Маяковского Пильским возведение к «фольклорной» основе творчества поэта представителями второй группы иностранной критики кажется вполне безобидным.

Наконец, *третью группу* критиков Маяковского за границей составляли соратники поэта-комфута, приветствовавшие Советский Союз и его поэта, — так называемая левая пресса. Так, во время поездки Маяковского по Америке в 1925 г. левая газета «Daily Worker» поместила на своих страницах статью «Добро пожаловать, товарищ Маяковский».

Восторженное приветствие визитов поэта-глашатая революции в левой прессе сменилось, однако, разнообразием критических отзывов, явившимся вскоре после получения известия о самоубийстве поэта. Подобно тому, как в советской прессе «хор соратников поэта» разделился на два основных лагеря — начавших критику малодушия Маяковского, его неизжитого мелкобуржуазного индивидуализма, и реабилитировавших Маяковского от подобных нападков — в зарубежной прессе одни газеты продолжали называть его «лучшим и известнейшим из пролетарских поэтов» (The New-York Times. New-York. 1930. 15 апреля [5]), а другие начали резкую критику. Так, австрийская «Rote Fahne» (Wien. 1930. 18 апреля [6]) поместила пространную статью «Wladimir Majakowskis Ende», подписанную «Viha», которая по сути отказывала поэту в искренности принятия пролетарской революции, «на службе» у которой он якобы состоял. Причиной этого Viha счел мелкобуржуазную природу Маяковского, не выпустившую поэта из своих «цепких лап»: «Рассудком он понимал революцию ... и пытался стать ее певцом, но он не мог встать в ряды тех, кто борется на фронтах социалистического строительства. ... У него не хватило сил совершить полную ... переоценку ... теорий своей радикально-мелкобуржуазной поэзии» [Там же].

По мнению Viha, мещанство, так и не сломленное Маяковским в себе, привело его сначала в «бегство стихом» от жизненной реальности в футуристические «заоблачные далека», а затем и к бегству от жизни вообще: «Он не мог уже поспеть за развитием, темп которого стал угрожать всем *колеблющимся*». Таким образом, «посмертно» Маяковский в глазах левой западной общественности перестает быть «пролетарским поэтом» и становится «колеблющимся».

В пролетарской сути поэта сомневался и некто «G. G.» (Гуго Гупперт? — О.К.). В некрологе Маяковскому, помещенном в «Humanité» от 28 октября 1930 г., этот автор, размышляя над вопросом «Следует ли считать Маяковского действительно пролетарским поэтом?», отвечал однозначно: «Нет» и вслед за советской официальной критикой причислял его к «попугчикам» (в данном случае «G. G.» даже прибегает к советской терминологии) на том основании, что «его поэмы не имеют четко выраженного классового характера» [7].

Если после ухода из жизни поэта левая пресса развенчивала «миф Маяковского», якобы разбившийся о малодушный факт самоубийства, то правая пресса спешила использовать смерть поэта в целях антикоммунистической пропаганды. Так, «Prager Presse» (Прага. 1930. 16 апреля) в заметке «Самоубийство Маяковского» определяет последовавшие одно за другим самоубийства Есенина и Маяковского, этих «двух коммунистических поэтов», как «не каузальное, а феноменальное предьявление» задавленных в СССР прав личности [8].

Отметим, что вышеприведенные отклики из разных лагерей зарубежной прессы на смерть Маяковского, при всей их спорности на сегодняшний день, представляются довольно справедливыми для своего времени, поскольку опираются на действительные факты из жизни и творчества Маяковского. Возмущение вызывают лишь те публикации, за строками которых чувствуется либо погоня за сенсацией, либо *равнодушие* к личности поэта, выраженное в том, что в ряде случаев авторы статей даже не потрудились проверить действительность излагаемых фактов.

Вот, например, строчка из американской газеты «The Star» (Southampton. 1930. 15 апреля. Ст. «A Poet's Suicide» («Самоубийство поэта»): «Он выстрелил себе *в голову*» [9]. Нью-Йоркская «The New-York Times» от 15 апреля 1930 г. в статье «Mayakovskys end» справедливо сообщает другое: «В.Маяковский ... *сегодня утром*

убил себя выстрелом *в сердце*». Однако после описания данного факта повествуется, что убил Маяковский себя, «вернувшись домой в сопровождении молодой актрисы *после кутежа, длившегося всю ночь*». Хотя еще чуть далее по тексту сообщается: «Он родился в *интеллектуальной семье...*» [10].

Пышущая злорадством правая «*Gazette de Lausanne*» (Lausanne. 1930. 22 апреля) в статье с красноречивым заглавием «*Самоубийство придворного поэта*» помещает сведения о том, что «примкнув к большевистской партии еще до революции, Маяковский принял большое участие в перевороте, *специализировавшись на арестах офицеров*» [11]. Таким причудливым образом был преломлен тот факт, что сразу после революции Маяковский арестовал одного-единственного офицера — своего непосредственного начальника по автомобильной роте. Мало того, в этой же статье сообщается, что Маяковский, оказывается, «*издавал много коммунистических газет*!»! Думается, что оперирование многими иностранными газетами непроверенными (а подчас и просто вымышленными) фактами из жизни Маяковского может считаться проявлением элементарного неуважения к памяти поэта.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношение к личности Маяковского в зарубежной прессе было зависимым от политических

взглядов рецензентов и степени их предвзятости в отношении «поэта революции». Определенный отпечаток накладывало восприятие критикой советской страны и социалистического строя, поскольку Маяковский чаще всего понимался как полпред Союза, совершающий заграничную поездку с пропагандистскими целями. Отзывы о встречах вследствие этого колебались в своей тональности от восторженных до крайне отрицательных. Помимо политической подоплеки в фигуре Маяковского видели самые разные основополагающие моменты — и загадочность и размах «русской души», и футуристическую суть его поэзии. Эти отклики представляются, тем не менее, имеющими право быть, поскольку в большинстве своем опираются на достаточно тщательный анализ прижизненных переводов Маяковского на иностранные языки. Появившиеся же вскоре после самоубийства поэта сенсационные и противоречащие друг другу в искажении фактов заметки на страницах как левой, так и правой прессы могут считаться демонстрацией возмутительно поверхностного восприятия за рубежом жизни и творчества Маяковского. Однако нельзя не признать, что сам факт повышенного внимания к советскому поэту, «реагирования» на его выступления и произведения за рубежом говорит о значительности творчества Маяковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иваск Ю. Цветаева — Маяковский — Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1969. № 95.
2. Пильский П. Нахалкиканец из-за Ташкенту // Сегодня. Рига. 1927. № 144.
3. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 50. Стенограмма выступлений Вс. Мейерхольда, Б.Ф.Малкина, С.И.Кирсанова и др. на вечере 14 апреля 1935 г. Дувакин В.Д. о восприятии Маяковского иностранцами. Л. 19—20.
4. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 52. Стенограмма выступлений Н.Н.Асеева, Г.Гупперта и др. в Политехническом музее 17 декабря 1936 г. 45 л. Гуго Гупперт о восприятии Маяковского в Германии. Л. 7.
5. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
6. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Biha. Wladimir Majakowskis Ende* // *Rote Fahne*. Wien. 1930. 18 apr.
7. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. G. G. Некролог // *Humanite*. 1930. 28 oct.
8. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. Самоубийство Маяковского // *Prager Presse*. Praga. 1930. 16 apr.
9. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *A Poet's Suicide* // *The Star*. Southampton. 1930. 15 apr.
10. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
11. РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 7. Ед. хр. 39. Статьи и заметки о В.В.Маяковском. Вырезки из газет и журналов. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. Самоубийство придворного поэта // *Gazette de Lausanne*. Lausanne. 1930. 22 apr.

REFERENCES

1. Ivask Yu. Tsvetaeva — Mayakovsky — Pasternak // *Noviy zhurnal*. New York. 1969. No. 95.
2. Pilsky P. Nakhalkikanets iz-za Teshkentu [Impudent fellow from place beyond Tashkent] // *Segodnya*. Riga. 1927. No. 144 (in Russian).
3. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 50. Transcript of remarks made by Vs. Meyerhold, B.F.Malkin, S.I.Kirsanov et al., April 14, 1935. V.D.Duvakin speaking about Mayakovsky perceived by foreigners, pp.19–20 (in Russian).
4. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 52. Transcript of remarks by N.N.Aseev, H.Huppert et al. In the Polytechnical Museum, December 17, 1936. 45 p. Hugo Huppert speaking about impressions from Mayakovsky in Germany. p. 7 (in Russian).
5. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
6. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Biha. Wladimir Majakowskis Ende* // *Rote Fahne*. Wien. 1930. 18 apr.
7. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *G. G. Obituary* // *Humanite*. 1930. 28 oct.
8. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. 25 января 1927 — 17 декабря 1936. 95 л. *Самоубийство Маяковского* // *Prager Presse*. Praga. 1930. 16 apr.
9. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *A Poet's Suicide* // *The Star*. Southampton. 1930. 15 apr.
10. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Mayakovskys end* // *The New-York Times*. New-York. 1930. 15 apr.
11. Russian State Archive of Literature and Art. Fund No. 336. Inventory 7. Storage unit 39. Articles and notes about V.V.Mayakovsky. Clippings from newspapers and magazines. January 25, 1927 — December 17, 1936. 95 p. *Court poet's suicide* // *Gazette de Lausanne*. Lausanne. 1930. 22 apr.

O.M.Kultysheva

Nizhnevartovsk, Russia

V. MAYAKOVSKY BY LIFETIME AND POSTUMOUS FOREIGN PRESS

Abstract: Vladimir Mayakovsky was a well-known figure for foreign journalists. His craving for everything “stoverst” prompted his need to expand the “KomFut” ideas to “out-of-soviet” space, while his romantic worldview has set a landmark goal in building a bright future, that is, to get the “new word” across to the “inveterate capitalists”. Considering this, in 1922–1924 Vladimir Mayakovsky went abroad to Latvia (up to 1940 Latvia was not in the Soviet Union), France (Paris) and Germany (Berlin). After his first international trips Mayakovsky wrote essays and poems based on his European impressions (“How does a democratic republic work?” (1922), “Paris (Talks with the Eiffel Tower)” (1923)). Mayakovsky went to Paris several times more in the period of 1925–1929, and he would always reflect his trips and impressions in his verse (such as lyrical cycle “Paris” (1924–1925)).

In 1925 Mayakovsky’s interest in engaging the reader's attention went further than Europe, as he traveled across to America to perform in public. The international trips aroused his interest in foreign life. Mayakovsky was admired by the engineering and architectural achievements he saw in the USA (see “Brooklyn Bridge” (1925)). However, as the poet wished to detect the discrepancies between the luxury of European and American capitals and the daily life of the common workers, he criticized the capitalist system, which he opposed to the “fair regime” of the young socialist state of the USSR. In his public speeches Mayakovsky did not miss a chance to express his beliefs and rejection of the western public institutions which, in his opinion, made human life miserable. Such an open confronting position of the Russian poet resulted in a strong reaction in foreign press.

The following article considers the responses to Mayakovsky’s creative works and personality reflected in lifetime and posthumous foreign press. The journalist works can be contingently divided into three groups: 1) hostile

right-wing press, 2) “moderate” journalism perceiving the poet in “cheap popular” light, 3) left-wing press welcoming the Soviet Union and the Soviet poet. The article is aimed at determining the overall “tone” of the foreign press writing about Mayakovsky. The cultural, historical and comparative analysis in notes and columns of foreign newspapers and magazines dedicated to Mayakovsky’s life, works and suicide, occupies an important place in the presented study. It is noted that this kind of sensational and conflicting notes distorting the real facts appeared on the pages in both the left-wing and right-wing press and can be considered as a demonstration of outrageously superficial international perception of Mayakovsky’s life and work.

Keywords: Mayakovsky; futurism; KomFut poet; public appearance; foreign press; undisguised exasperation; evident delight; Bolshevik ideas; cheap popular; suicide; unverified facts.

About the author: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philology, Associate Professor at the Department of Philology and Mass Communications.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

УДК 82.0

М.А.Лагода
Кемерово, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом исследования в работе является интертекстуальность литературного произведения как один из аспектов события чтения. Цель настоящей статьи — наметить методологические ориентиры, позволяющие адекватно поставить вопрос о роли «межтекстовых» связей в акте интерпретации. В работе предпринята попытка типологизации существующих подходов к обозначенной проблеме. Методологические «полюса» обнаруживаются уже в самом происхождении термина «интертекстуальность», предложенного Ю.Кристовой в 1967 г. и явившегося результатом интерпретации идей М.М.Бахтина о диалоге. Поэтому значительное внимание в статье уделяется соотношению понятий «интертекстуальность» и «диалог», прояснению смысла осуществленной в работе Ю.Кристовой замены одного концепта другим. Предпринята попытка истолкования этих понятий в контекстах трудов названных исследователей, в трудах Р.Барта, а также в работах некоторых комментаторов этих трудов. Проводится сопоставительный анализ концепций «чужого» слова у М.М.Бахтина и Ю.Кристовой. В результате сопоставления обнаружено, что концепт «интертекстуальность» оказывается «переводом» понятия «диалог» на «язык» принципиально иной методологии.

Обращение к «историческому эпизоду» возникновения понятия «интертекстуальность» позволяет выявить существующий диапазон расхождения трактовок в понимании феномена «межтекстовых» связей. Один из пределов понимания связан с представлением о лингвистической природе художественного текста и предполагает практику «открытого» чтения, акцент на внешних связях и «дешифровке» цитат. Другой предел — диалогическая, личностная природа литературного произведения — делает акцент на ценностно-смысловой целостности «многоголосого» художественного высказывания и позволяет поставить вопрос об интертекстуальности как аспекте понимания уникального, но обусловленного жизненным и культурным контекстом художественного целого.

Ключевые слова: интертекстуальность; интерпретация; диалог; событие чтения; М.М.Бахтин; Ю.Кристева; Р.Барт.

Сведения об авторе: Лагода Мария Александровна, ассистент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650903, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, тел. 3842582745, e-mail: lagoda.05@mail.ru

---

Интертекстуальность в современных исследованиях рассматривается как текстовая или как эстетическая категория: как «свойство» текстов (причем не только художественных) указывать на другие тексты, как «устройство», с помощью которого один текст перезаписывает другой

текст» [18. С. 48], как «принцип текстопостроения» (В.А.Миловидов) или принцип «порождения» (И.П.Смирнов) высказывания, как «средство» анализа литературного текста или описания специфики существования литературы (курсив в цитатах наш. — М.Л.)» [12. С. 206] и др.